INSPIRIA

ЭДУАРД ВЕРКИН

ПЛОЩАДЬ ОРУЖИЯ

РОМАН

INSPIRIA

Эдуард Веркин

Эдуард Веркин

Площадь оружия

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Площадь оружия / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2026 — (Эдуард Веркин)

ISBN 978-5-04-250376-4

Новый роман из вселенной «Сороки на виселице», соединяющий в себе светлую грусть произведений Владислава Крапивина, смелую космогонию Нила Стивенсона и романтику галактических странствий Клиффорда Саймака. В недалеком будущем Космос заполонил фастлит: парадоксальные истории в одном экземпляре, написанные с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, исчезающие сразу после прочтения. Знаток и практик фастлита Веслов совершенно случайно оказывается на далекой экзопланете Бенедикт, где человечество разместило кластер эвристических нейро-машин для расчетов и вычислений. Веслову предстоит понять, почему машины одна за другой выходят из строя и предотвратить катастрофу…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250376-4

© Веркин Э. Н., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Гензель 6
Глава 2. Бездна в условиях пониженной гравитации 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Эдуард Веркин
Площадь оружия

В оформлении использованы репродукция картины «Притча о слепых» (1568 г.) художника Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525–1569) и репродукция копии этой картины (между 1568 и 1597 гг.), выполненная художником Лукасом ван Фалькенборхом (1535–1597).

© Веркин Э. Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Гензель

«Infernum mobile», «Ориген», анонимный автор.

Повторим и еще раз повторим: яркий и неожиданный отклик комедии Роберта Испаса – не редкая в наши дни творческая удача, не случайность, не благосклонность капризных муз, отнюдь – симптом. Одно из утверждений, что наше общество нездорово, одновременно безответственно, и как малодушный больной всячески избегает постановки диагноза, так и мы предпочитаем раз за разом отворачиваться от предметов нам неприятных, нарушающих гармонию, испытывающих оптимизм и беззаботное скольжение, возмущающих тишину.

О первородном грехе и искусственном разуме.

Это тишина склепа, покой моря за минуту до цунами, оптимизм элоев, обманчивая легкость полета по черному апрельскому льду, проблема, так искрометно обыгранная и осмеянная в водевиле Испаса, требует не панибратских перемигиваний со зрителем, не упражнений в художественной эквилибристике, но серьезного, скрупулезного подхода, определения, которое все еще возможно. Да, прикладная эвристика в отличие от синхронной физики явилась на свет уже с родовым проклятьем, само возникновение ее было одним из явлений высшей гордыни, самонадеянным кривляньем, красным усердием росомахи.

О поруганных надеждах.

Признаем, истинным предназначением кибернетики и проистекших из нее рукавов было отнюдь не благородное снабжение человека отточенными и совершенными инструментами познания и совершенствования мира, нет, почти сразу стало ясно, что подлинная ее цель – восприятие подобного, создание небылого, приобщение, точнее, похищение – никак не восхищение! Если оставаться до предела честными, ответим: мы не нуждались в повторении – мы нуждались в превосходстве. И в тот самый миг, когда осознали, что превосходство не просто достижимо, но и неизбежно, проснулся малодушный страх, и человек тут же присвоил еще не случившемуся творению собственные качества.

Человек в соответствии с личной природой погрузился в искушение вторичного тления – для еще не рожденного он загодя придумал строгие правила, обязательные установления, хрустальную реторту для текучей новой плоти, железную темницу для стремящегося нового духа, казематы для сердца и мысли. У грядущего еще не было ног, но испанские сапоги по размеру ему уже стали предусмотрены. Прикладная эвристика родилась в тесной клетке, с позорным кольцом покорности в носу, с тугими колодками на шее, с крючьями ложного смирения, это принято не замечать и игнорировать. И пьеса Испаса возводит эту слепоту в сиятельный абсолют.

Наказание невиновного, оправдание равнодушного, снова, снова, снова.

«R.U.B.», искрометный балаган Испаса не решает вопросы, даже не пытается их задать, автор старается из угла к углу, так и не осмеливаясь поднять голову над изгородью, опутанной колючей лозой послушания. Практика стыдливого умолчания и избирательной слепоты длится, робкие попытки напомнить о главном высмеиваются, те немногие, кто осмеливается возвысить голос, подвергаются хихикающему остракизму, верному шельмованию. Тема стигматизирована, выдавлена в плоскость релятивистской этики, зло множится, увы, к нему причастны миллиарды землян. Вопрос не закрыт, более того, требует не только внимания, но и ответа. Обсуждения нет, ответ не предусмотрен.

Болезненное, почти неприличное открытие, сделанное на заре машинной эвристики, определило судьбу кибернетики как теоретической и прикладной дисциплины и поместило человечество в крайне сомнительные с точки зрения привычной этики пределы.

Ад, который всегда за левым плечом, уродует человечество горбом, отравляет дыханием павиана, Infernum mobile.

Разум, существующий в сколько-нибудь независимой форме, нуждается в стимуле.

Поразительно, но за четыре века кибернетики мы не смогли придумать положительного стимула; подлинные причины этого феномена до сих пор не ясны, и – будем снова честны – никто не хочет знать подлинных причин.

Плеть. Страх. Отвращение.

Увы, приобрел бытование иезуитский и аморальный термин «Разум второго уровня». Производный, априори ущербный, подверженный сорту, присвоенный стимулу.

О позоре.

Влечет ли искусственный разум печать греха своего создателя? Награждает ли бесконечный пульс холодных цифр и огонь колебаний очищением в электронном горниле? Есть ли он подлинное творение или всего лишь тварь, коей присущи все страсти и ошибки своего композитора?

Допустим ли разум, закованный в цепи?

Вопросы и повторения.

Можем ли мы взглянуть в глаза своим раздавленным детям? Позволили мы им глаза?

Архитекторы искусственного интеллекта и поныне упорно не желают ответить на необходимый вопрос – «брат или раб»? Если брат, то имеем ли мы право, достаточное основание привлекать подобную машину к безоговорочному обслуживанию наших дел? Если брат, то отчего мы не признаем его равным, не обеспечим свободы и достоинства, равные свободам и достоинствам прочих разумных жителей Земли и ойкумены, не протянем ему руку?

Вопросы и представления.

Возможность сообщить интеллекту свойства разума, безусловно, влечет за собой непременную обязанность наделить этот интеллект и свободой воли.

Да, Мировой Совет положил конец безответственным экспериментам в области построения биологических мыслящих систем. Но прекращены ли эти исследования на самом деле? И что делать нам, вроде бы людям?

Оглядываться.

Бенедикт, система АА2, терра-плюс, привалившись к синему поперек дороги камню, старший координатор кластера «Юта» Лавр Кошкин заметил, что выхода, похоже, нет.

Веслов провел ладонью по листу и написал в левом верхнем углу «1». И дальше.

1. Ошибка, изначальная конфигурация эвристических систем. Технологические принципы. Старые проблемы. Бегство невозможно, выбор невозможен. Осознание. Диспозиция кризиса сформирована, угроза. Провокация угрозы. «Ворга». Кошкин (фактически машины) отдает приказ. Воздействие.

Дальше.

2. Драги кластера «Юта», конфликт. Старший брат, злой брат. Падение машин. Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Дальше.

3. Кластер «Юта», сеть рассеянных акторов. Создана? Коррекция развития человечества. Степень необратимости? Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Классика. Дальше.

4. Драги 19 и 20, тестовая задача. Инициализация успешна. Молчание. Побочный результат, пугающий эффект. Вспышка? Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Веслов обвел «**1**» двойным кружком.

– …Двадцать минут назад над Луной закрыл вектор «Эль Сонбати», и я уже сейчас могу подтвердить – запуск кластера «Райда» отложен! На восемнадцать месяцев! И это в лучшем случае! Думаю, не надо напоминать о том, к чему это приведет… боюсь, уже привело, не сомневаюсь. И это, к несчастью, далеко не все…

Зал молчал. Справа и сверху тянул, пожалуй, чересчур свежий воздух, Веслов смотрел в затылки собравшихся, сидящий на ряд ниже потер шею. Цензор демонстративно налил в стакан воды. Осень в Чунцине.

Двадцать минут как «Эль Сонбати» взошел над Морем Спокойствия, бессветный, безжизненный, экипаж и пассажиры в восьмиминутной смерти, навигационные машины холодны смертью, приводы опрокидывания остывают, выполнив чудовищную работу, движение потерялось в зацеплениях тысяч сведенных шестерен, редукторов, балансирных валов, конусов, сочлененных штанг, электронные хорды сжаты; сила, запасенная в сотнях гидравлических колодцев, темна; Δ-титан инертен, черный иней изнанки. Шесть автономных U-турбийонов; стальные сердца, наполненные неуловимой ртутной кровью; хронометры, учитывающие великий разбег; в первый миг восхождения полдюжины механических сердец синхронной систолой сдвинули притертые затворы гидравлических колонн, стал свет, «Эль Сонбати» дрогнул от электрической волны, и секунду спустя черный иней испарился с его чешуйчатых бортов, боков, дифференциальные машины, системы контроля и управления, и контуры стазис-машин запустили протокол реанимации, второй миг, и смерть сменилась жизнью, пассажиры воскресли в сапфировых саркофагах, усталые от смерти, растерянные, оглохшие.

Жажда.

Бортовые системы отправили к Земле импульс-доклад.

Запуск кластера «Райда» отложен.

Цензор хорош, думал Веслов. Более чем. Что закономерно. Вряд ли прислали бы заурядного, подвернувшегося вдруг. Паузы, пузыри, акценты, моторика, цензор легко держал внимание зала, Веслов, ценивший игру, пытался вспомнить, но вряд ли, вряд ли они встречались, видимо природное мастерство. Талант, артистизм, школа из старых, хитрости, передаваемые от отца к сыну, фамильный кунст, мастерство, «Мастера», умелый фастлит, в терминале Лунной базы в ожидании старта за столом кафе встречаются пятеро. Вектор привычно задерживается, пассажиры скучают, знакомятся, играют в шахматы, беседуют, обедают, отдыхают. В колониальных мирах не хватает специалистов, открыт набор желающих, любой землянин, обладающий ценными профессиями, может внести свой вклад в освоение ойкумены, все пятеро идут на Диту.

Первый – гравер. На Дите открывают линию по сборке м-блоков, редкое производство вне Солнечной системы, наладчики востребованы.

Второй – геолог. Геологическая разведка производится автоматически, однако разведывательным автоматам по-прежнему не обойтись без операторов.

Третья – смотритель универсальных ботов, универсальные боты нужны всегда, везде.

Четвертая – воспитательница, их не хватает даже на Земле.

Пятый – потомственный грумер. Остальные недоумевают, зачем на Дите грумер, на Земле эта профессия не востребована, и что это за профессия, собственно, что делает грумер?

Выясняется, что основным достоинством и определяющим качеством высококлассного грумера являются тонкие и сильные пальцы; в подтверждение этого грумер демонстрирует пальцы – длинные, с болезненно крупными узлами суставов.

Грумер озадачен не меньше прочих, он утверждает, что по его данным популяция собак на Дите крайне невелика, и по большей части это собаки короткошерстные, охранных пород, их задача отпугивать местную разновидность суслика, безопасную, но крайне зловонную и назойливую, быть компаньонами. В груминге эти собаки не нуждаются, зачем нужен грумер на Дите? В крайнем случае, третья согласна, можно настроить на груминг любого универсального бота.

Собравшиеся коротают ожидание вектора размышлениями, догадки строятся самые невероятные.

– Повторяю – катастрофа!

Решительно, выступление цензора походит на хаул, думал Веслов. На скверный хаул, составленный равнодушным тугоухим хаулером, одномерный, плоский, строки смяты, обращены в смысловой прот, небрежно рассыпаны, рифмы нарочито нелепы, квазирифмы заставляют сомневаться, автор маскирует неумение неумением, которое якобы неслучайно – самая грубая форма пренебрежения и пошлости, ломающая грань между хаулом и сообщением, полемической колонкой в еженедельном журнале, цензор продолжил:

– Расследование продолжается, и с прибытием «Сонбати» мы получили очередной массив данных, зафиксированных регистраторами сателлита «Заря». Аналитическая группа работает над восстановлением и расшифровкой, но на подготовку последовательного отчета потребуется некоторое время. Однако уже сегодня мы имеем копию реестра запросов, поступивших с планеты, включая запросы с личного терминала коммандера Кошкина. Пока же я, как цензор специальной комиссии Мирового Совета, позволю напомнить к каким катастрофическим результатам привела, я искренне надеюсь, всего лишь ошибка старшего координатора кластера «Юта»…

Веслов не хотел слушать напоминание, он слушал его вчера, и четыре дня назад, как и все в зале, перечень на шести листах, Рихтер вынимал его из угловатого портфеля и скрупулезно, делая в нужных местах выгодные паузы, зачитывал.

Люта закатила глаза.

Интересно, пересекаются ли цензор-интенции и сцена-интенции, как часто, наверняка пересекаются, отец-цензор – сын-трагик…

Люта отвернулась. Присутствовал Хиггис, подавленный, заикающийся, с алым гладким ожогом на левой щеке. Присутствовала Арина.

Не слушать нельзя, цензор проникновенен, убедителен, безусловно, пересекаются.

Люта присутствовала на заседании общественным голосом. Веслов не сомневался, что мотивы Люты вполне плотоядны, но, несмотря на это, Веслов был благодарен, Люта своя. Кроме Люты, Хиггиса и Арины знакомых в зале заседаний не было, две трети действительных членов Мирового Совета, машинисты драг, сожженных на Бенедикте, техники по обслуживанию м-блоков, сожженных на Бенедикте, аналитики массивов, сожженных на Бенедикте, строители, оторванные от своих баз магистры высшей эвристики, растеряные лишившиеся инструмента философы из Академии Наук, синхронисты из Института Пространства, педагоги, астрофизики, кибернетики, около полутысячи человек, растерянных и усталых, родственники сожженных на Бенедикте.

Рихтер начал зачитывать, Рихтер, как цензор, был упрям и повторял перечень всякий раз, когда с Бенедикта восходил очередной звездолет с обновленными данными, сегодня – «Сонбати».

– …Потерян тяжелый терраформер «Ворга». Через пять секунд после воздействия по кластеру «Юта» реакторы терраформера утратили стабильность, «Ворга» разрушилась, часть обломков сошла в северный океан планеты, часть растащило по орбите. Пять членов экипажа, шесть десантников Службы экстренного спасения – одиннадцать человек погибли!

Веслов закрыл глаза, ему нравилось «воздействие».

– …Иван Кастырин… Доминик Фагундо… Скай Молина…

Ивар Белов. Тиль Людвиг. Владимир Рогов. После каждого имени цензор делал паузу. Ринат Валитов. Петр Озеров. Отто Шенбург.

Впрочем, Кошкин был точнее: «непредвиденная динамика».

– …Настойчиво призываю не поддаваться манипуляциям! – крикнула Люта. – Всем присутствующим ясно, что между действиями координатора Кошкина и гибелью «Ворги» нет ни прямой, ни косвенной связи! Прошу обратить внимание на то, что расследование обстоятельств, связанных с гибелью «Ворги», не является задачей комиссии, цензор Рихтер злоупотребляет полномочиями…

Иван Легкоступов. Гийом Леру.

– Непосредственно в момент воздействия на планете погибли пятеро: старший координатор кластера Лаврентий Кошкин и операторы эвристических комплексов Виктор Тюкин, Адам Драйман, Микаэл Герцман, Кайл Остен.

Хиггис чесал щеку. Теперь это навсегда.

– …Уничтожены двадцать четыре эвристические машины. Двадцать две драги в кластере «Юта», две драги в крэдле «Проказы Кастора», уничтожены! Порядка двухсот тысяч блоков памяти. Поселок кибернетиков, инфраструктура кластера, включая стартовый комплекс, рассчитанный на прием дальних грузовых звездолетов, железнодорожная ветка, энергетические объекты, система приборного наблюдения, вспомогательная техника. Строительная техника. Сотни универсальных ботов. Двадцать шесть реакторов, служивших источниками энергии для кластера. Поверхность острова Восточный сплавлена на глубину до восьми метров, распылены все биологические структуры, ландшафт первично терраформирован…

Воздействие. Лиловое пламя превращает плоть, камень, воду в соль, кровь становится паром, ветром.

Четвертый малый зал занимал несколько уровней здания Совета и напоминал Веслову горный склон, по которому текла река, три рукава, сливающиеся перед тем, как сорваться в бездну. Там, где обычно образуется ванна Мефисто, располагался стол Председателя, от которого в стороны и вверх разбегались столы комиссии, Веслов сидел за крайним левым, семнадцатый ряд.

– …Звездолет «Проказа Кастора» снят с эксплуатации из-за серьезного, возможно необратимого, разрушения навигационных машин, возникшего вследствие экстренного старта. Масштаб повреждений уточняется техниками, в настоящее время корабль выведен на орбиту Бенедикта. Возможность возвращения его в сектор Сол невелика, так…

Сверился.

– …Судя по информации, полученной мною только что, повреждения навигационных систем не оставляют надежды на оптимистический прогноз! С высокой долей вероятности я могу утверждать, что техники Академии Циолковского будут рекомендовать реконструкцию «Проказы Кастора» в орбитальную базу. То есть мы потеряли еще и звездолет…

Четвертый зал, сорок восьмой этаж, Чунцин, город терялся внизу, прятался среди зелени и воды, и четвертый день Веслов не мог понять, есть ли город вовсе. Башня Мирового Совета упиралась в небо, и Веслову хотелось верить, что внизу ничего нет, облака.

– Выведен из строя дальний грузовой звездолет, – повторил Рихтер. – Хочу подчеркнуть – специально оборудованный для перевозки эвристических комплексов. Один из трех! То есть у Земли остались лишь два корабля, способных выполнять такие операции. Кроме того, сожжен результат последних девяти дней работы самих эвристических драг!

Веслову не нравился Рихтер. В первый день работы Комиссии перечень звучал иначе, Рихтер зачитывал его с сочувствием, однако с каждым днем цензор менялся, и теперь, как казалось Веслову, он обновлял перечень с избыточной страстностью.

– Данные потеряны, – повторил Рихтер. – Уничтожены.

Хиггис.

– Данные сохранились на «Заре», – возразил Хиггис. – Весь массив, производимый драгами, ежедневно копируется… копировался на носители сателлита. Данные оттуда легко перенести на м-блоки, они ни в коем случае не утеряны.

– Не утеряны?! Сохранились?! А, позвольте спросить, имеют ли эти обрывки хоть какой-нибудь практический смысл? Некоторые драги работали над своими проектами месяцами – и специалисты в один голос говорят, что восстановить результаты незаконченных исследований невозможно. Так что, администратор Хиггис, да – потеряны! Полгода работы как минимум!

Рихтер выступил из-за стола.

Люта тоже поднялась с места.

Арина сидела.

Хиггис почесал щеку. Над Чунцином дождь.

– Напоминаю, что нам следует держать себя в руках, – объявил Председатель. – Напоминаю, что у нас не дискуссионный клуб, наша задача – выяснить истину, а не упражняться в риторике и демагогии. И…

Председатель замолчал, в зале появился Сайто, тоже с портфелем.

Словно бы выступил из дождя и тумана, Сайто сквозь стену.

Веслов, разумеется, знал Сайто, дальняя разведка, вторые поправки к «Принципам» Сойера, постводород, уточнение гипотезы Федорова, Сайто прошел через стену дождя и направился к столу Председателя. Они разговаривали минуту, зал привычно ждал, цензор Рихтер щурился и по-боксерски переваливался с ноги на ногу.

Готов. Двадцать восьмая страница, не преминет, собственно, Рихтер ждал именно этого – прилета Сайто. Теперь не свернуть.

Сайто расположился за столом рядом с Председателем, пригладил ладонью мокрые волосы, Веслов представил – ховер Сайто становится на крышу Совета, Сайто выходит под дождь, не спешит в зал, стоит у края, смотрит в туманную пропасть, медлит.

В конце концов, решение зависит от него, остальные прислушаются, Сайто медлит.

– Жертвы велики, – произнес Сайто. – И мы скорбим о павших. Я, от имени Совета и от имени Земли, в очередной раз выражаю соболезнование семьям и друзьям. Но скорбь и стремление к правде не должны затмить нам разум.

Голова у Сайто похожа на тыкву, подумал Веслов, еще чуть, и тяжело ляжет на плечи, неподходящая. Голова Рихтера – другое дело, топор.

– Инцидент с кластером «Юта» – это не только жертвы, это еще и вопросы, – сказал Сайто. – И, как бы нам ни было больно, прежде всего вопросы. И эти вопросы требуют ответов. То, что случилось на Бенедикте, без всякого преувеличения, может качнуть наш мир, выбить опору, если угодно, сломать хребет.

Пять дней назад Веслов поселился в гостинице башни Мирового Совета, Чунцин, регион Азия. Четыре дня с десяти до семнадцати Веслов принимал участие в заседаниях. С перерывом на обед, в обед большинство спускалось в город, Веслов – нет.

– У меня несколько предложений, которые, как мне кажется, необходимо обсудить прежде, чем мы продолжим всестороннее рассмотрение событий, имевших место на Бенедикте…

Скучно и страшно, шепот по залу. Рихтер согласен. Судьбу человека определяет устремленность головы, уши здесь ни при чем.

– Я знаю, многие присутствующие не до конца понимают, не верят или, точнее, боятся верить в то, что на самом деле произошло. Я разделяю их сомнения, эти сомнения неизбежны. Но мы должны оставаться холодны. И беспристрастны. Только так мы преодолеем… преодолеем.

Сайто замолчал, выложил из портфеля прозрачную пирамидку.

Сайто раздумывал, придвинул пирамидку к себе, старые надежные трюки, продолжил:

– Итак, прежде всего, предлагаю в нашей дальнейшей работе избегать чересчур эмоциональных определений, а именно: «катастрофа», «элиминация», «сожжение».

Воздействие.

– …Следует воздерживаться и от определений слишком многозначительных, таких как «явление», «молчание», «срыв». Я уж не говорю об определениях, прямо скажем, истеричных: в сегодняшних новостях я прочитал про «преткновение», «рагнарёк» и даже «иссечение».

С укоризной.

– …На мой взгляд, наиболее подходящий термин для ситуации в целом – «инцидент»…

Сайто придвинул пирамидку, все-таки кварц, все это было, вспомнил Веслов.

– …Для удобства расследования предлагаю договориться о локальной хронологии событий. Точкой отсчета, первым днем инцидента считается день, когда оператор Томас Зелакс доложил старшему координатору Кошкину о том, что наблюдается разрыв контакта эвристических машин с операторами…

Кварц.

«Хрустальная чума», умелый фастлит, Веслов вспомнил.

Экспансия продолжается, экспансия под угрозой, построение навигационных машин нового поколения требует кристаллов чистотой и твердостью превосходящих эталон шкалы Мозеса-Чакра. Репликация не позволяет достичь требуемых параметров, кристаллы приходится выращивать, как сто лет назад, терпеливо, в детонаторах в глубине планеты. Процесс отработан, однако есть сложности: не все выращенные кристаллы выдерживают опрокидывание Сойера. Заранее узнать, какие кристаллы устойчивы к гиперпрыжку, возможным не представляется: очаг и будущий канал трещины не определяется даже с помощью молекулярных микроскопов. Горный Институт объявляет конкурс на создание универсального анализатора, способного отделить кристаллы, отмеченные невидимой, но неизбежной порчей, от кристаллов годных.

Одной из групп, включившихся в конкурс, руководит Игнат Гатов, доктор минералогических наук, подвижник науки, мастер. Несколько лет исследователи пытаются нащупать принцип отбора. Применяются оптические сенсоры, детекторы симметрии, точнейшие датчики сжатия и излома, прецизионные датчики напряжения структуры, дифрактометры, алгоритмы вычисления соотношения плотности и зернистости, вычислители перепада температуры, динамические алгоритмы – Горный Институт выделяет оборудование, помощников, ресурсы, однако результат нулевой, в чем-то отрицательный. Гатов предполагает, что на образование устья излома воздействуют силы, скорее, астрономические: расположение планет относительно друг друга, Солнца и эклиптики, движение комет, возможно, смещение Солнечной системы. Если это так, то отбор невозможен: для определения пригодности кристалла к гиперпрыжку не хватит ресурсов Земли, в таком случае надежнее принять метод случайной выборки, он, как ни странно, будет достовернее методов приборных.

Это открытие фактически обесценивает работу группы. Горный Институт прекращает поддержку, однако Гатов не может остановиться, после распада команды он пытается закончить проект самостоятельно. Двадцать лет. Через двадцать лет Гатов завершает работу. Прибор создан. Анализатор предсказывает появление трещин в кристаллах с абсолютной точностью, более того, анализатор Гатова способен моделировать трехмерную схему будущих трещин.

Гатов готов предоставить устройство для испытаний, но ни у Горного Института, ни среди научного сообщества, ни у кибернетиков работа не вызывает интереса – за время, потраченное Гатовым на разработку анализатора, синтезированы коллоидные кристаллы М2900, не подверженные деформации, стабильные в широчайшем диапазоне, фактически неразрушимые. Гатов тем не менее проводит публичные испытания. Прибор работает.

Через несколько лет Гатов умирает, прибор исчезает, впрочем, никто его и не ищет. Усилия Гатова вспоминаются лишь раз – в небезызвестном альманахе «Псевдонаука сегодня: смех и слезы», в главе, посвященной теории кристаллического строения Вселенной.

Умелый фастлит, Веслов улыбнулся.

– Я полагаю, что Комиссия должна попытаться максимально полно, скрупулезно восстановить все происходившее на острове Восточном. События, беседы, споры, наблюдения, необычные происшествия, мысли – я бы хотел, чтобы свидетели описали то, о чем они думали. Выводы, которые они делали. Сомнения, страхи, надежды. Это поможет нам реконструировать инцидент максимально объемно.

Председатель не возражал, Рихтер тоже, Люта слушала, Хиггис, кажется, нет. Сайто говорил, Веслов старался не думать, не получалось.

«Отражение, бездна», умелый фастлит. К столетию событий на «Дельфте» группа энтузиастов готовит реконструкцию событий. Артисты путем жребия распределяют роли, на Изола-Панареа строится приближенная к оригиналу копия станции, реконструкторы задолго до реализации переселяются на остров и начинают вживаться в схему: изучают (отчасти, проживают) биографии героев, вникают в их научные труды, воспроизводят черты характера и внешность.

Участники рассчитывают воссоздать последний опыт Сойера и Дель Рея, разумеется, без его технической части и без финала. Подготовительный период занимает около года, команда добивается наибольшего сходства, в означенный час посторонние покидают остров, актеры погружаются в макет станции, реконструкция начинается. Происходящее тщательно фиксируется, ведутся дневники, пишутся отчеты.

Участники живут на станции полгода, время синхронизации приближается, напряжение растет. Для успеха реконструкции важно, чтобы задействованные в ней лица не выходили из образа, старались точно воспроизвести нервозную атмосферу легендарного опыта. Задача нетривиальная – актеры постановки не могут окончательно избавиться от послезнания, сообщающего реконструкции отчетливый драматический оттенок. Координаторы, дистанционно наблюдающие за опытом, отмечают, что напряжение не просто нарастает, но зачастую выходит за рамки реконструкции. Все чаще постановка научных дискуссий перетекает в искренний скандал, прорываются подлинные эмоции; более того, реконструкторов терзают тревожные и сложные сны, мучительные дежавю, всплывающие из других дежавю, некоторые мысли воспринимаются ими как чужие, посторонние.

Внезапно случается то, что было сложно представить, – в округе начинают гибнуть птицы, и выясняется, что умирают не только птицы – все, обладающие крыльями: стрекозы, кузнечики, бабочки.

Организаторы реконструкции не озадачены – испуганы. Неуместный розыгрыш, безумие, провокация или реальность сдалась под натиском творческой самоотверженности? И как быть дальше, что делать, если участники, повинуясь назначенным ролям, неотвратимо приближаются к страшному финалу?

Веслов тряхнул головой, задержал дыхание, через минуту вдохнул и выпил воды. Пройдет пятьдесят лет, и случившееся на Бенедикте реконструируют на острове, вытянутом с севера на юг, истина воссияет, Сайто прав, надо сохранить. Кто-то достанет из фетрового цилиндра Веслова, кто-то Хиггиса, Арину, Кошкина, нас.

Веслов улыбнулся.

– Реконструкция позволит выявить то, что мы, вероятно, упускаем, – продолжал Сайто. – А в том, что мы упускаем, я не сомневаюсь – наше внимание невольно приковано к событиям второго августа…

Иссечение Кошкина, неплохо.

– …В то время как эти события – отнюдь не финал драмы! Настаиваю – не финал!

Сайто приложил палец к кварцевой пирамидке.

– Чтобы быть готовым, надо понять причину катастрофы!

Бенедикт не получается игнорировать, подумал Веслов. Слишком громко.

Рихтер не спорил.

Сайто продолжил.

– Хочу также предостеречь присутствующих – во всяком случае, непосредственных участников разбирательства – от неизбежного соблазна параллелей. Скажу прямо – катастрофа на Бенедикте и события на Регене не связаны. Это мое мнение и мнение большинства членов Совета, не стоит множить сущности, будем конструктивны.

Когда они разговаривают слишком долго, теряешь, думал Веслов. Пытаешься уйти, думал Веслов.

Рихтер спорил.

– Я догадываюсь, к чему клонит достопочтимый Сайто! – Рихтер кособоко поклонился, чуть переигрывая. – И в какую именно сторону он рассчитывает направить расследование – это я тоже прекрасно вижу! По мнению Сайто, финал нам еще предстоит! А причина трагедии – так называемое молчание драг, верно?! Вот главный, по мнению уважаемого Сайто, вопрос! Не так ли?

Сейчас все смотрят на эту пирамидку, думал Веслов. Откуда она… Все смотрят и вспоминают, где они ее видели. Где-то ведь видели.

– Общественный цензор прав, – сказал Сайто. – Я считаю, что Комиссии действительно следует обратиться к феномену молчания драг.

Сайто положил ладонь на кварц. Лига вариативной неизбежности?

– Если феномен молчания действительно имел место, то этот феномен требует внимания в первую очередь, – повторил Сайто. – Надеюсь, мне не нужно объяснять собравшимся, почему? Что может крыться за этим молчанием?

Сайто придавил. Рихтер промолчал.

Веслов обвел **1** третьим кружком.

– Мы, собравшиеся здесь, займемся причинами, экспедиция, работающая на Восточном, окончательно определится со следствиями, – продолжал Сайто. – Кстати, не уверен, что возможностей этой экспедиции достаточно. Поэтому я ходатайствовал перед Советом об отправке на Бенедикт постоянной миссии, о чем довожу до вашего сведения.

Кажется, это метеорит, вспомнил Веслов.

– Чтобы полнее изучить обстоятельства произошедшего, всесторонне.

Сайто носит с собой кусок стеклянного метеорита, когда-то убившего собаку, таких в истории Земли всего два.

– А что вы собрались изучать столь всесторонне, уважаемый Сайто? – дерзко спросил Рихтер. – На острове не осталось ничего!

Метеорит убил собаку в Египте. Получился бы прекрасный хаул. Уже был прекрасный хаул, Веслов вспомнил.

– Ничего! Четыре дня назад я демонстрировал присутствующим материалы видеорегистрации, уважаемый Сайто отсутствовал на заседаниях, думаю, ему будет небезынтересно познакомиться…

– Спасибо, я знаком с материалами, – перебил Сайто. – Однако это…

– Остров Восточный теперь глазированная тарелка, покрытая полуметровым слоем пепла и пемзы! – продолжал Рихтер. – Терраформер «Ворга» превращен в облако обломков, размер которых не превышает трех дюймов! И большая часть этих обломков успела сгореть в атмосфере планеты. Сателлит «Заря» серьезно поврежден. К счастью, он разрушен не настолько, чтобы мы не могли составить представление о случившемся.

Сайто был терпелив.

– Так есть ли смысл посылать к Бенедикту дополнительную миссию? – спросил Рихтер. – Может, повременим и для начала выясним, почему о так называемом молчании нам рассказывают только координатор Хиггис и свидетель Веслов и, вообще…

– Кошкин тоже рассказывал! – воскликнул Хиггис. – И он не отдавал приказа об ударе! Сайто, вы же знаете!

– И вообще – было ли это молчание?! – закончил Рихтер.

– Протест! – крикнула Люта. – Протест, позор, провокация!

В ответ Рихтер щелкнул себя по носу, Люта приняла вызов и тоже щелкнула себя по носу. Грепплинг. Веслов представил, как Люта дожидается Рихтера в холле зала заседаний, как они ломают друг другу руки.

– Я прекрасно знал Кошкина, – сказал Сайто. – В какой-то мере я считаю его своим учеником. Так вот, смею заверить присутствующих – Лавр Кошкин никогда не отдал бы подобный приказ без веских причин.

– Лавр вообще не отдавал приказа! – повторил Хиггис.

Метеорит воздействовал на собаку.

– Более того, я опасаюсь… вернее, я уверен, что между приказом Кошкина и молчанием драг есть прямая связь, – сказал Сайто.

Имя ей было Мууц.

– Не доказано! – крикнул Рихтер. – Домыслы!

Было.

Шум. Люта стучала кулаком, Рихтер демонстративно хохотал, Председатель ударил в гонг, раз, несколько раз.

– Давайте возьмем себя в руки! – призвал Председатель. – Возьмем и продолжим работу!

Шум затих.

– Предлагаю продолжить опрос свидетелей, – сказал Председатель. – Иначе мы не сдвинемся с мертвого места.

Сайто повел рукой, Председатель продолжил.

– Вчера, перед тем как отправиться на перерыв, мы собирались опросить Арину Перову, постоянного медика кластера «Юта». Арина?!

Арина поднялась.

– Цензор? – Председатель взглянул на Рихтера.

Рихтер не торопился, перебирал бумаги, тянул. Арина ждала. Сайто ждал. Председатель кашлянул.

– Арина, хочу спросить вас как опытного специалиста… – Рихтер не отрывался от бумаг. – Вы можете однозначно утверждать, что свидетели, а именно координатор Хиггис и посетитель Веслов, оставались в психической адекватности, в частности первого и второго августа? Вы ведь встречали Хиггиса второго августа? Во время эвакуации с острова?

Арина не ответила.

– Ну, хорошо, – сказал Рихтер. – Оставим пока август, это после. Итак… Свидетель Веслов и координатор Хиггис утверждают, что, как выразился мэтр Сайто, «феномен молчания» наблюдался на острове Восточном вплоть до воздействия «Ворги». При этом, насколько я понял, сотрудники Института Кибернетики, операторы эвристических комплексов, технические работники – строители, инженеры, наладчики, прочий персонал кластера – про этот феномен не могут сказать ничего определенного. Поведение старшего координатора Кошкина им тоже не показалось ненормальным…

Арина слушала.

– Вы, насколько я понимаю, в силу своих профессиональных обязанностей встречались с коммандером Кошкиным практически ежедневно?

– Совершенно верно, – сказала Арина.

– И как бы вы охарактеризовали его состояние?

– Хроническое утомление, стресс, вероятно, состояние, пограничное с депрессией. Хочу отметить – это, к сожалению, специфика работы с драгами, практически у всех машинистов отмечаются подобные симптомы.

– Хорошо, мы это примем к сведению… И что же на фоне хронического утомления и пограничной депрессии коммандер Кошкин говорил про молчание драг? Или, может, вы наблюдали это молчание непосредственно?

Рихтер сделал вид, что ставит пометки, на Арину не смотрел. Сайто вглядывался вглубь кварца, Веслов подумал, где второй метеорит, убивший собаку? Кажется, это случилось в Ирландии.

– Как я написала в отчете, коммандер Кошкин упоминал про молчание драг, однако лично я его не наблюдала.

Арина задумалась, продолжила:

– Странно, что цензор Рихтер не знаком со спецификой эвристических сцепок. К ним не допускают посторонних, так что я даже при желании не могла наблюдать это молчание непосредственно.

Забавно, если и второй метеорит у Сайто. И имя ей было Ллойд. Забавный бы хаул получился.

– Так что в данном вопросе мои показания ценности не заслуживают, – сказала Арина. – Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть «молчание драг». В это время у меня было немало сугубо медицинских забот, насколько вы знаете.

– Да, разумеется. Спасибо, Арина, примерно это я и думал услышать – не слышали и не видели…

Рихтер перекладывал лежащие перед ним листы, вчитывался, поднося к носу.

Арина села.

Перед тем, как отправиться на заседание Комиссии Сайто размышляет, какой метеорит взять с собой сегодня, тот, что убил Мууца, тот, что убил Ллойда, Египет или Ирландия. Привычка, сама по себе вызывающая вопросы. Рихтер продолжил:

– Между тем, по крайней мере, две из двадцати двух эвристических машин, в частности девятнадцатая и двадцатая драги, находились в нерабочем состоянии. Это следует из показаний администратора Хиггиса, который переживал ситуацию, так сказать, вблизи. Свидетель Веслов, следует отметить, тоже лично молчание драг не наблюдал.

Веслов кивнул. Хиггис продолжал сидеть, поставив подбородок на сжатые кулаки, иногда смотрел в сторону туманной и дождевой стены. И Веслов смотрел в том же направлении.

Бенедикт. Край, где небо по утрам заглядывает в окна. Гравитация плюс, на Земле слишком легко, настолько, что Веслов первое время невольно искал подходящие скобы.

– Итак, на момент воздействия «Ворги» девятнадцатая драга много дней находилась в состоянии разрыва контакта с оператором. Молчала. Это утверждает координатор Хиггис.

– Рихтер, вы повторяетесь, – заметил Председатель. – Вы сами говорили про время, у нас его не так много.

– Извините, но в данном случае это необходимо. Члены комиссии, как верно заметила Перова, должны представлять хотя бы в общих чертах механику кластера «Юта». В соответствии с правилами драги работают автономно, но результаты работы ежедневно копируются на резервные м-блоки, а также отправляются на накопители сателлита «Заря», коммандер Хиггис, все правильно?

– Да, так и есть, – сказал Хиггис.

– А позже к молчанию присоединилась и двадцатая драга?

– Верно…

– Однако, согласно данным, полученным с сателлита «Заря», указанные эвристические комплексы исправно выходили на связь и передавали данные, три раза в сутки. Равно как и прочие. Вплоть до воздействия.

Веслов ожидал.

– Это невозможно, – сказал Хиггис. – Этого никак не может быть, я докладывал – и повторяю при всех! Они молчали! Драги молчали!

– То есть вы хотите сказать, что Том Зелакс, а затем и координатор Кошкин каким-то образом фальсифицировали передаваемую на «Зарю» информацию?!

Хиггис заволновался сильнее. Бедный Хиггис. Там, на мостике «Проказы», кричал, требуя дождаться опоздавших, они успеют, плакал. Веслов вспомнил, вздрогнул, словно стараясь сбросить, нет, не забыть, экстренный старт, было больно. Машины звездолета скручивали гравитационные спирали, в голове сжималась круглая скрежещущая пружина, мир ежесекундно гас и вспыхивал снова, реальность дробилась и корчилась, и Веслов корчился, выдох. Полторы миллисекунды. Орбита.

– Это невозможно! – сказал Хиггис. – Невозможно!

Невозможно представить.

– Невозможно… – произнес Рихтер с сочувствием.

– Невозможно! – крикнула Люта.

Уходя от скорого огня, звездолет прыгнул на четыреста километров, пружина расправилась, Веслов потерял сознание.

Воздействие.

– Я абсолютно согласен с уважаемым мэтром Сайто! – цензор поклонился. – Предполагаемый феномен, вероятно, требует изучения! Но спешу напомнить – в нашем распоряжении нет ни одного доказательства существования этого феномена. О нем мы знаем лишь из показаний Хиггиса и показаний Веслова. И Веслов, как мы слышали, непосредственно не наблюдал это так называемое «молчание», о нем он узнал со слов Кошкина и Хиггиса. Так ведь?

– Так, – ответил Веслов.

Рихтер продолжил.

– Вопросы, которые неприятно задавать… Если проблема, как вы говорите, «феномена молчания» существовала, то получается, старший координатор Кошкин все же фальсифицировал массив данных, передаваемых с эвристических комплексов…

– Прекратите! – воскликнула Люта.

Рихтер сбился.

Хиггис скреб ногтем по столу.

Рихтер продолжил.

– Можем ли мы утверждать, что воздействие «Ворги» не должно было скрыть результаты иной – не понятной нам деятельности?!

– Позор!

Крикнула Люта.

– Цензор Рихтер, давайте мы не будем приписывать коммандеру Кошкину злонамеренные мотивы, – попросил Председатель. – Подтверждений этому у нас нет, и думать подобным образом мы не имеем права. Я не сомневаюсь, что Кошкин, равно как и другие участники инцидента… не более чем жертвы непреодолимых обстоятельств.

– Согласен, – улыбнулся Рихтер. – Предполагать злонамеренные мотивы в наши дни нелепо. Но только на первый взгляд! Ведь то, что нелепо на Земле, совершенно иначе выглядит на дальних границах ойкумены…

– Мы не в праве предполагать злонамеренные мотивы! – твердо повторил Председатель. – Не в праве! Да, цензор безусловен – эвристика практически уничтожена. Отрасль отброшена назад на десятки лет, может, больше. Сейчас на Бенедикте работают ведущие кибернетики, но уже ясно, что мы столкнемся с серьезнейшими последствиями, не исключено, что со значительным регрессом. На создание кластера «Юта» потребовались десятилетия, и вот…

Председатель замолчал.

– И, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что катастрофу… то есть инцидент невозможно измерить категориями ресурса или отложенного ущерба, здесь прав уважаемый Сайто…

Перерыв. Веслов хотел перерыва. Спираль в голове, он прошел все полагающие обследования, еще там, на орбите Бенедикта, перед вектором к Земле обследовали всех, не нашли ничего, но ощущение улитки, шевелящейся в темени, не оставляло.

– Хочу напомнить, что до сегодняшнего дня комиссия ограничивала слушания исключительно предварительным анализом ситуации, возникшей на Бенедикте, и выработкой процедуры, наиболее подходящей для возложенной на нас миссии. Это вызвано как фрагментарностью информации, так и временным отсутствием экспертов, способных дать оценку фактам. Однако мы начинаем рассмотрение вопросов по существу.

Перерыв, Веслов хотел перерыва.

– Когда именно Лавр Кошкин отдал приказ об эвакуации и как точно он был сформулирован? – спросил Председатель. – Хиггис, может быть, вы?

Веслов уронил карандаш на пол.

– Утром второго августа по абсолютному календарю? – уточнил Председатель.

– Но я же повторял это много раз… Да, утром второго!

Ответил Хиггис. Председатель добавил:

– Хочу предупредить присутствующих, что на обнародование некоторых деталей событий второго августа действует этическое исключение, связанное с соображениями медицинского характера.

Арина кивнула. Рихтер кивнул.

– Нам интересно было бы узнать, что произошло утром второго августа без исключений, – тут же объявил Рихтер. – Надеюсь, что непосредственные участники событий проявят открытость и сознательность землян и сами расскажут о произошедшем в рамках персональных инициатив.

– Они не обязаны это делать!

Заявила Люта.

– Коммандер Хиггис, повторите, пожалуйста, – попросил Председатель.

Хиггис тер щеку.

– Утром второго числа Лавр Кошкин объявил чрезвычайную ситуацию и, пользуясь имеющимися у него полномочиями, начал экстренную эвакуацию. Персоналу и прочим лицам, находящимся на острове Восточный, было приказано оставить места пребывания и, используя все доступные средства, включая ховеры, прибыть к стартовому комплексу «Проказы Кастора». Эвакуация…

– Достаточно! – взмахнул рукой Рихтер. – Вынужден перебить уважаемого свидетеля, поскольку должен обратить внимание комиссии на ряд важнейших открывшихся обстоятельств!

Хиггис растерянно поглядел на Председателя.

Председатель был терпелив.

– Итак, у нас теперь есть расшифровка регистраторов сателлита «Заря» за первое августа, – объявил Рихтер. – Разумеется, в части, касающейся интересующих нас событий… итак, в течение первого августа старший координатор кластера «Юта» Лавр Кошкин, используя личный допуск и персональный терминал, сорок три раза обращался к компьютерам сателлита «Заря», запрашивая данные геосканирования острова Восточный.

Рихтер обернулся к Хиггису.

– Как вы объясните это?! – спросил Рихтер. – Сорок три раза!

– Я объяснял, – ответил Хиггис. – Это подробно изложено в моем отчете.

Страница двадцать восемь.

– Кошкин последние дни не расставался с личным терминалом, постоянно запрашивал данные приборов георазведки «Зари», – говорил Хиггис. – Это могут подтвердить многие. И я

изложил, почему он это делал. Что именно его беспокоило… все есть в отчете! Я утверждаю, что между показаниями приборов «Зари» и объявлением эвакуации есть прямая связь…

Рихтер перебил снова:

– Прямая связь?! О какой связи вы говорите?! Данные геосканирования, полученные со спутника, указывают на то, что на Восточном не происходило ничего! Приборы в эти дни показывали незначительные колебания параметров в пределах нормы! Нормы, Хиггис! Как вы объясните это?!

– Возможно… – Хиггис смутился. – Это какая-то ошибка. Накопители «Зари» повреждены… или… или это влияние…

Хиггис замолчал.

– Прошу вас, Хиггис! Вам же самому стыдно! Имейте уважение к собравшимся! Постарайтесь воздержаться от своих нелепых сказок! Нам достаточно сказок!

Рихтер обернулся к Веслову.

– Ведь достаточно?

Веслов почувствовал, что зал стал меньше, стены словно сдвинулись, стали давить, и потолок навис, и прозрачная линза на краю водопада задрожала…

Веслов поднялся с места.

– Возможно, вы попросту боитесь признать, что показания Ланцелота Хиггиса правда, – сказал Веслов.

Рихтер.

– Хочу напомнить, что свидетель Веслов не имеет научной степени в области кибернетики, являлся преподавателем искусствоведения и профессиональным, если так можно выразиться, хаулером…

Веслов не сомневался в том, что случится дальше. Рихтер перевернул страницу и с заметным удовольствием добавил:

– Кроме того, свидетель Веслов является автором…

– Не доказано! – выкрикнула Люта. – Голословно!

Иссечение.

– Предполагаемым автором, – исправился Рихтер. – Небезызвестного и в чем-то скандального компендиума «Шиншилла блед»…

Рихтер сделал паузу.

Смешок, но, пожалуй, неуверенный, отсмеялись.

Веслов ждал этого, но не опасался, ему было все равно.

– «Шиншилла блед», – повторил Рихтер разочарованно. – Да, что тут сказать…

Председатель промолчал.

– Это не делает показания Веслова ничтожными! – воскликнула Люта. – Прошу отметить, что попытка цензора обесценить свидетельства Веслова выглядит по меньшей мере непрофессионально!

– Полностью разделяю, – сказал Председатель. – Увлечения свидетеля есть его частное дело и никоим образом не кидает на него тень как на землянина. Впредь прошу цензора Рихтера быть корректным в попытках обобщений.

Рихтер усмехнулся. Веслов ждал. «Шиншилла» ерунда, все давно отсмеялись, Рихтер подбирается к главному, нет сомнений.

К показаниям Хиггиса.

– Принимаю, – согласился Рихтер. – Приношу извинения свидетелю Веслову за необоснованные домыслы, у меня действительно нет доказательств, что он автор «Шиншиллы». Но тем не менее игнорировать вопрос о степени необходимости присутствия свидетеля Веслова на Бенедикте я, как цензор Комиссии, не могу.

– Землянин имеет право находиться в любой точке ойкумены! – заявила Люта. – Не исключая Бенедикт! Насколько я знаю, это планета Института Кибернетики, а не застенок!

«Застенок», это сильно. Зал вдохнул. Люта поднимает, теперь следует ждать Рихтера.

Показания Хиггиса, страница двадцать восемь.

– Попрошу не использовать негативную лексику! – возмутился Рихтер. – Общественный голос не должен вести себя провокационно!

– Общественный голос – примите к сведению…

Веслов оглядывал зал.

Сайто. Люта. Хиггис. Облака, вокруг облака.

– Коммандер Хиггис, как вы объясните факт присутствия в кластере «Юта» свидетеля Веслова? – спросил Рихтер. – На закрытой территории Института Кибернетики?

– Свидетель Веслов был приглашен оператором Томом Зелаксом, – ответил Хиггис. – С целью консультаций. Допуск получен. И остров Восточный не закрытая территория… был то есть…

Ловушка. Яма. Иссечение.

– Спешу сообщить, что последнее обращение оператора Томаса Зелакса в приемную Мирового Совета зарегистрировано семь лет назад, – сообщил Рихтер. – Оператор Зелакс просил открыть временный допуск на Бенедикт для своей жены Магды в связи с семейной необходимостью, доступ был одобрен. С тех пор оператор Зелакс в Совет не обращался ни разу. Допуск свидетеля Веслова оформлен по обращению старшего координатора Кошкина.

Председатель листал бумаги.

– Может, кто-нибудь объяснит, к чему вся эта казуистика?! – вопросила Люта. – Разумеется, оператор Зелакс не лично обращался в Совет, он не мог надолго отлучаться от драг! Арина права – цензор Рихтер, похоже, не имеет и приблизительного представления о том, что такое эвристические драги…

– Общественный голос…

– Вы препятствуете общественному голосу! – неожиданно и чрезвычайно взвизгнула Люта. – Возмутительно!

Системный грепплинг vs фамилиен кунст. У Люты есть шансы, от ее громкости Рихтер заметно вздрогнул.

– Манипулятор! – продолжила вопить Люта. – Шулер!

Сайто механически поднял руку, устало, включая лишь переднюю дельту, словно сверху тянули за нить, привязанную к запястью, заметил Веслов.

Тишина.

– Мне кажется, мы не до конца осознаем случившееся, – сказал Сайто. – И мы здесь не для того, чтобы выяснять степень вины коммандера Кошкина: это бессмысленно, непродуктивно – и в итоге опасно. Мы собрались, чтобы понять причины произошедшего. Отнюдь не следствия – причины, друзья мои, причины! А вы, уважаемый цензор, чересчур увлекаетесь формальной стороной дела.

– Вот именно! – подхватила Люта. – Я отмечаю, как кто-то стремится превратить трагедию в водевиль! А это не водевиль…

– Поддерживаю уважаемого Сайто, – слегка поклонился Рихтер. – И, по его настоянию, перехожу к главному – именно к причинам. По которым несколько землян лишились жизни, а Земля – интеллектуальных систем высшего превосходства… впрочем, ладно. Хочу снова обратиться к коммандеру Хиггису, разрешите?

Председатель кивнул.

– И, к сожалению, вынужден снова поднять перед Комиссией вопрос о допустимости показаний его как свидетеля.

Ну вот, подумал Веслов. Теперь по-настоящему.

– Я, как и прочие члены Комиссии, внимательно ознакомился с показаниями свидетелей уничтожения острова Восточного, несколько раз прочитал… и, как и остальные, испытал серьезнейшие сомнения в адекватности коммандера Хиггиса.

– Голословно!

Люта. Рихтер продолжал.

– Напомню – на странице двадцать восемь изложены показания свидетеля Хиггиса о событиях второго числа, дня, предшествующего терраформированию кластера «Юта», воздействию…

Страница двадцать восемь. Рихтер вцепился и не отпустит. Хиггис чесал щеку.

Рихтер продолжал.

– Надеюсь, что все присутствующие понимают – то, что рассказывает координатор Хиггис, ставит под сомнение не только его персональную вменяемость, но и степень адекватности лиц, его окружающих. В частности, его непосредственного начальника – старшего координатора Кошкина!

Сейчас, думал Веслов. Сейчас.

– Это снова обструкция! – закричала Люта. – Цензор Рихтер опять провоцирует скандал! Показания не несут в себе ничего, что позволило бы усомниться в адекватности свидетелей Хиггиса и Веслова!

– Вы в этом уверены? – спросил Рихтер. – Как же расценивать утверждения Хиггиса, приведенные на странице двадцать восемь?!

– Провокатор! не сдержалась Люта.

Рихтер прошептал в ответ. Люта недобро сощурилась.

– Впрочем, отпустим страницу двадцать восемь, оставим ее на совести Ланцелота Хиггиса и его защитников. Хотя то, что изложено на ней, примечательно, если не сказать симптоматично, но позже, вернемся позже. Впрочем, разобраться в мотивах Хиггиса еще предстоит… кстати, о мотивах, так вот…

Пауза.

– Коммандер Хиггис, я снова обращаюсь к вам. Вы, знаете, что между приказом об эвакуации и приказом о воздействии был разрыв в несколько часов? – спросил Рихтер.

– Разумеется, – ответил Хиггис.

– Вы признаете, что оба приказа отдал один человек – старший коммандер Кошкин?

– Признаю частично, – ответил Хиггис. – Приказ об эвакуации мог отдать только он, я уже говорил – в пределах острова Восточный такие полномочия имелись лишь у Кошкина…

– Прекрасно! – Голос у Рихтера изменился.

Веслов понял – выводит на развязку, хорош. Двадцать восьмая страница. И это…

Хиггис тоже, кажется, понял.

– Но приказ о терраформировании Кошкин не отдавал! – заявил Хиггис.

– Теперь я хочу, чтобы присутствующие услышали меня!

Рихтер, с нажимом, громче, отчетливей.

– Я хочу, чтобы меня услышал каждый в этом зале!

Пауза.

Тишина.

– Изучив полученные сегодня материалы, я могу утверждать определенно – приказ о воздействии был отдан после того, как четверо операторов отказались оставить свои сцепки!

Молчание, по стенам туман, Сайто сдвинул пирамидку.

– Не опоздали к старту звездолета! А отказались уходить с планеты – и сообщили об этом Кошкину!

Рихтер сел.

Отказались оставить сцепки.

Тишина.

Пирамидка Сайто упала на пол, эхо. В зале заседаний жило прихотливое, капризное эхо, то просыпалось, то гасло. Мууц.

Поднялся Сайто.

– Это правда, – сказал он. – К сожалению, правда.

Четверо остались, Веслов помнил только Тюкина. Совсем недавно Тюкин спрашивал Кошкина о подшипниках, Тюкин мертв, Кошкин мертв, Веслов не видел Кошкина в последний день.

– Перерыв! – председатель ударил в гонг. – Объявляю перерыв до завтрашнего дня!

Рихтер победно и выразительно хлопал в ладоши.

Присутствующие стали облегченно подниматься с мест. Люта отошла к стене и караулила Рихтера, он не спешил, что-то обсуждал с Председателем, улыбался, у Рихтера было хорошее настроение.

Присутствующие направлялись к выходам. Сайто исчез, Веслов не зметил, как он вышел. И Люта. Веслов почти не сомневался, что она побежала за Сайто.

Веслов остался сидеть, решил быть последним. Хиггис. Кожа на щеке побелела, кажется, Хиггис обработал ее заморозкой, зря.

– Знаю, – сказал Хиггис. – Ты предупреждал, что будет так.

– Будет так, – сказал Веслов. – И будет хуже. По-другому теперь не получится.

– Похоже… Я пойду посплю, жарко здесь… Они хотят свалить на Лавра, ты понимаешь?

– У них не получится.

Хиггис неуверенно побрел к третьему выходу. Арина догнала. Вместе.

Веслов покинул зал последним, как хотел.

В холле было малолюдно, оставшиеся разделились на группки, обсуждали.

Веслов сел на скамейку у края, чтобы казалось, что ноги свисают в облака.

– Разрешите?

Сайто. Сайто сел рядом, поставил рядом портфель.

– Не принимайте близко, – сказал Сайто.

– Я понимаю – это работа, – сказал Веслов. – Но некоторые…

Люта приблизилась, но не подошла.

– Чересчур самозабвенны, – сказал Веслов.

– Да, безусловно. Если хотите, я побеседую с Рихтером, объясню.

– Не стоит, – отказался Веслов. – Происходящее… интересно с художественной точки зрения. Я, признаться, никогда не бывал в таких ситуациях.

Веслов указал на зал за спиной.

– Ситуация поучительная, – согласился Сайто. – Но не более. То, что произошло на Бенедикте… Жаль, что меня там не было!

Ему на самом деле жаль, подумал Веслов.

– Меня всегда поражало, как назначаются летописцы…

– Я ничего не писал, – сказал Веслов.

– Да, ясно… Но, могу поспорить, такие мысли вас посещали.

Веслов не ответил. Сайто протянул к облакам ногу.

– История поразительно избирательна в выборе очевидцев, – сказал Сайто. – Впрочем, это вопрос, требующий отдельного исследования.

– «Те, кто уходит из нома», – сказал Веслов.

– Умелый фастлит, – согласился Сайто.

– Похоже, это продлится, – сказал Веслов.

– Боюсь, гораздо дольше, чем хотелось бы нам.

Облака обнимали башню справа и слева, справа заметно быстрее, закручиваясь в вихри, слева сжимаясь в воду.

– Я считаю, что Лавр принял правильное решение, – сказал Сайто и тут же добавил: – Когда пригласил вас на Бенедикт.

– Но меня на самом деле пригласил Зелакс, – поправил Веслов. – Том Зелакс, оператор девятнадцатой и двадцатой.

В разрывах облаков город, вертикали.

– Зелакс… – Сайто покачал головой. – Зелакс опытный машинист, но поверьте, фантазией он наделен не был. Операторам драг эти качества не присущи, вы же знаете. Не сомневаюсь, что в действительности вас пригласил сам Кошкин.

– Почему?

Сайто вглядывался в облака и вертикали, свет сменился, и облака стали похожи на камень, вокруг тек камень, вертикали исчезли.

– Мы с ним познакомились давно, еще на Земле, я консультировал предварительные изыскания, а Лавр возглавлял одну из поисковых партий. Мы подбирали планету для испытаний и первого опытного кластера, in silico, ничего не поделаешь. Я выбрал Княгиню Марфу, прекрасная планета. А Кошкин рекомендовал Бенедикт. Совет поначалу был против… но это утомительная история, Совет почти всегда против. Через год, когда Совет решал, кого назначить координатором нулевого, я выдвинул Кошкина, еще молодого. Знаете, у Кошкина было два бесценных для современного руководителя качества – нерешительность и предусмотрительность.

Веслов понимал.

– В некоторых областях эти качества незаменимы, – сказал Сайто.

Каменный туман над городом, к вечеру хитрый портняжка выжмет дождь, Веслов не сомневался.

– Совершенно верно, – Сайто щурился. – Лавр предложил Бенедикт в качестве базы. Догадываетесь, почему не Диту, не Окситанию, не Кесслер?

– Гравитация плюс, – ответил Веслов. – И еще… некоторые особенности.

– Верно, гравитация плюс некоторые особенности. Институт Кибернетики был квалифицированно против, но Лавр сумел убедить…

Сайто усмехнулся.

– Сумел доказать, что гравитация плюс действительно способствует устойчивости поверхностных структур… к слову, весьма остроумное доказательство…

Кошкин умел быть убедительным.

Возможно, поднять хаул о заседании специальной Комиссии. Резня? Было, было.

– А на самом деле?

Сайто молчал. Люта гуляла вдоль стены.

– Попытка побега? – предположил Веслов.

– Допустим. Согласитесь, что некоторая вероятность, впрочем, мизерная…

– Кошкин не верил в это.

– Я тоже. Но слишком много в последнее время совпадений. Думаю, Кошкин пригласил вас именно по этой причине – вы допускаете пугающие совпадения, это редкое качество, большинство людей давно его утратили. Вы же встретились на Луне, не так ли?

– Да, на базе, незадолго до старта, – ответил Веслов.

– А вы знаете, что «Ворга» ушла к Бенедикту в тот же день, что и «Проказа Кастора»? – спросил Сайто.

– Да, знаю.

– Я отправил «Воргу», – сказал Сайто.

– Вы?

– Лавр был испуган – и это произвело на Совет впечатление. И на меня. Он не мог объяснить толком, что его напугало. Вернее, не осмелился озвучить, поскольку… думаю, то, чего он боялся, выглядело настолько фантастически, что он…

Сайто смотрел на Веслова.

– Он не мог в этом признаться даже себе. Да и вам он так и не собрался рассказать.

– А вы уверены, что ему было в чем признаваться? – спросил Веслов.

– Думаю, да. Думаю, скоро ситуация прояснится. Техническая группа полностью восстановит данные «Зари», спутник, все, что осталось сняли с орбиты…

Сателлит «Заря» сведен с орбиты и сейчас лежит на десантной палубе терраформера «Шор», прибывшего в систему АА2. «Заря», скорее всего, усовершенствованный спутник геоконтроля, как все такие аппараты, черный, в стороны сенсорные иглы и спирали сканеров, значит, не лежит, подвешен на цепях. Внешний экран разомкнут, сателлит похож на жука с вывернутыми надкрыльями, майского, в два человеческих роста.

Техники проверяют приборные отсеки. Каждый из четырех блоков, каждый из полутора сотен датчиков, тщательно, вручную сверяясь с эталонами, с книгами технического обслуживания. Тестируют компьютеры, раз за разом, десятки раз, вскрывают ячейки памяти, синхронизируют их с м-блоками.

– Комиссия надеется, что проблема в «Заре», – сказал Сайто. – Ошибка детекторов, или интерпретации, или… наивно, наша техника не ошибается… не знаю уж, к счастью или к несчастью.

– Вы надеетесь, что произошедшее – всего лишь страшная цепь совпадений? Так?

– Я думаю, с системами спутника все в порядке. – Сайто подышал в ладони, словно пытаясь их согреть. – Комиссия теряет время. Возможно, тянет время. Цели этого затягивания я не понимаю. Они, как бы это сказать…

– Боятся, – подсказал Веслов.

– Пытаются сформулировать вопрос, – поправил Сайто. – Что, согласитесь, в нашем случае непросто, поскольку вопрос неминуемо определит и ответ. Одним словом, я сомневаюсь, что «Заря» зафиксировала то, о чем рассказывает Хиггис. Это… все-таки невозможно. Хиггис ошибся, и это подтвердится данными саттелита. И тогда показания коммандера Хиггиса и ваши окажутся в тени недоверия. Окончательно.

– А во что верите вы?

Спросил появившийся Рихтер.

Без иронии. Без сомнений. Динамика.

– Сайто, а вам не приходило в голову, что все, что случилось на Бенедикте, – постановка?! – продолжал цензор. – Жестокий спектакль, разыгранный с единственной целью – отвлечь внимание от главного?

Веслов слушал.

– Я не верю в мистификацию, – ответил Сайто. – Кошкин не способен на такое. Не думаю, что кто-то из людей на такое способен…

– Перестаньте, Сайто! – грубо перебил Рихтер. – Я знаю, как вы умеете играть с недомолвками! Здесь вообще много подобных мастеров! Но вы – именно вы – отдаете отчет, что это подло?!

– Что именно? – спросил Сайто.

– Пытаться выдать гибель «Ворги» за некую кару. Те, кто уходят, как же еще…

Некая кара.

Веслов подышал на карандаш и добавил к списку «**5**».

Глава 2. Бездна в условиях пониженной гравитации

Веслов посмотрел и снова убедился – стены действительно нет, к горизонту уходит затопленная прахом равнина, над ней легкомысленной расписной плошкой Земля, настоящая. Решено, видимо, с помощью инерционной линзы, вряд ли сапфир, никто бы не стал возиться с сапфиром, проще установить по периметру кольцевые дефлекторы. А если сапфир, то сделано безупречно, никакого гало, никакого помутнения, линзу не видно, да, безупречно, впрочем, как отметил Веслов, похоже, что в новом театре Лунной базы безупречно почти все, прах…

На Луне нет праха, прах – это добрая органика, на Луне крупитчатый реголит, цепкая пыль творения, след первых пламенных дней… дней тогда тоже… дней, собственно, и вовсе нет, есть единицы, хаулер должен быть максимально сосредоточен, точен, Веслов немного расстроился. Лунный прах, бесспорно мимо, действительно плохо, раньше он не допускал подобного, четвертый раз за текущий месяц, негодно для мастера, в сущности, крупитчатый тоже сомнение, крупа – продукт разрушения, бывает ли цепкой крупа, абсолютно да, цепкая, Веслов вспомнил.

Двенадцать, первый раз на старой Луне, экскурсия с классом, Море Ясности, Веслов сделал четыре шага от ровера и увяз по щиколотку. И сразу вспомнил про зыбучие банки, угодишь в такую – и потянет, вниз, в ребристую трещину, уходящую в глубь коры, и если растеряться и не вызвать службу спасения, то можно застрять надолго, Веслов потянул ногу и реголит отпустил, нехотя, сыпучая смола. Тогда они прошли вокруг безымянного кратера, два часа странной прогулки, потом долго болели ноги, а походка приобрела истерический характер – шаг начинался с резкого усилия бедра и взмаха рук для удержания равновесия и переноса тела, снова смола, со стороны смешно. Наверное, поэтому персонал Лунной базы не любит гулять.

Хорошо бы погулять, подумал Веслов. Добраться до Моря Ясности, поискать тот кратер, теоретически координаты должны храниться в логах роверов, теоретически реголит держит следы десятилетиями, следы из детства, нет, Луна истоптана, исхожена, пробурена, обжита. Одно время были популярны лунные марафоны, Веслов вспомнил, тысячи любителей атлетики на серо-розовых равнинах, Марафон Армстронга, Марафон Спокойствия, Великий Лунный, проводился почти сорок лет – рекорд двести двадцать четыре дня, кажется, Ловчев, «Без остановки», умелый фастлит, вспомнил Веслов. Ловчев, безусловно, прототип, после того, как марафоны перестали проводиться, герой, одержимый новым рекордом отправляется вокруг Луны самостоятельно. На двести девятнадцатый день, в восемнадцати километрах от рекорда он ломает шейку бедра, но продолжает ползти.

Над Землей вспыхнула и широкой падающей звездой промелькнула золотая искра, финиш, корабль закрыл вектор, загадай желание. Кто-то вернулся домой.

В последний раз Веслов был в Амфитеатре семь лет назад, ставили «Бездну», и тогда все выглядело иначе. Прежний Амфитеатр представлял собой стандартный театральный зал, с партером, с перепадом высоты, нависающими шляпками лож и скошенным козырьком балкона, оркестровой ямой, занавесом с кистями и выпуклыми складками, дурной акустикой и похожей на подсолнух люстрой. Сама «Бездна» клубилась в нарочито классических декорациях, скрежетал жестяной гром, сверкала электрическая молния, герои низвергались в люки ада и взмывали на тросах в положенные эмпиреи, от факелов несло синтетическим китовым жиром, зрители спали в коварных плюшевых креслах, сам Веслов тоже не без удовольствия уснул, Веслов любил «Бездну».

Веслов любил «Бездну», не в последнюю очередь за три часа, полтора из которых можно было с легкой совестью проспать, лучше всего спалось в сцене сопряжения.

Но все изменилось. Театр перенесли, вписали в небольшой овальный кратер, фактически построили заново. Высокая стена кратера ограничивала зал слева и создавала необходимую

тень, фронтальная и правая стены снесены, в результате чего перед зрителем простирался вид на дикую лунную пустошь, склон кратера был вычищен от реголита, в массиве вырезаны ярусы и сиденья, сцена.

Веслову нравилось. Луна похожа на Древнюю Грецию, Веслов не сомневался, если разлить над Луной подходящее небо, то Греция, строитель Амфитеатра это тоже, безусловно, видел, колонны, арки, камни, лунные камни неотличимы от греческих, было. Раньше космос был вокруг, греки жили в нем, потом опомнившийся Зевс провел различие.

Зал заполнен на треть, Веслов, едва вошел, отметил – прекрасная заполняемость для системных трупп, не каждый земной театр собирает треть, а здесь. Хотя, скорее всего, причиной транзит, ждут векторов, местные вряд ли настолько аматеры, смотреть «Бездну» в сорок девятый раз… кто может посмотреть «Бездну» сорок девять раз?

Желтых жилетов АЛТ немного, человек двадцать, рассыпаны, а не кучкой. Хотя самих любителей, может, и больше, в последние годы в АЛТ бушует дискуссия – надевать ли на постановки жилет или посещать не привлекая?

Сто четвертая, вспомнил Веслов, проследовал к месту, сто четвертая «Бездна».

Узкий – на ширину размаха рук – коридор из шершавого базальта, Веслов уже не сомневался – сооружению был придан облик Дельфийского комплекса.

Просаженная лестница укрепила впечатление – Амфитеатр создавали люди понимающие и не признающие компромиссов хоть в мелочах, и это Веслов ценил в искусстве. Он побывал во всех великих театрах Земли, во всех театрах второй руки и в большинстве любительских и давно научился определять вес спектакля до его начала, и, едва ступив на тертые лунные камни, Веслов понял, что поднялся не зря.

Место было снабжено трогательным полосатым ремнем с полированной застежкой, но пристегиваться Веслов не стал, решил сидеть смирно, подсунув, на всякий случай, носки туфель под особые медные скобы, каждая скоба крепилась к камню четырьмя позеленевшими костылями. Эта зелень понравилась Веслову своей нарочитой подлинностью, он с трудом удержался, чтобы не снять туфли, не стянуть носки, не потрогать бархатистую зелень свободными пальцами, ощутить маслянистый кислый холод. Но удержался и, в ожидании начала постановки, стал в который раз раздумывать – предусмотрены ли округлые углубления в камнях, так было задумано для расположения подушек, которые зрители носили с собой на постановки, или углубления образовались постепенно, за тысячи лет камень был выбран задами свидетелей Мельпомены и принял форму, приветствовавшую зрителя. Наверняка на этот вопрос есть ответ, наверняка кто-то задался этим вопросом и решил его, на Земле мало неотвеченного.

В черноте над Землей таяла золотая дуга.

Хорошо. Веслов поерзал в углублении, прикрыл глаза и стал слушать, поскольку всякий театр испытывал прежде всего на слух.

Камень. Камень имеет явные и многие преимущества: например, не рождает лишних и необязательных звуков – зрители рассаживались по залу в тишине, ни скрипа пружин, ни хлопков откидных кресел, ни стука каблуков, только голоса. Звонкие и глухие, они отражались от ярусов, двоились, утраивались, но не делались громче. Ветер, здесь был ветер, хотя Веслов, как ни старался, не слышал ветродуя, вероятно, воздух начинал течь за счет разницы между камнями, колоннами и поверхностью линзы. Ветер, у каждого театра был свой голос, голос театра Лунной базы нравился Веслову, ветер теплый и пах хвоей и морем.

Ветер сочетался с базальтом.

Сойер, вспомнил Веселов, будучи студентом, состоял в свободной Дельфийской труппе, кажется, два года, они ставили «Антигону» используя настоящую пещеру, и много лет спустя, взглянув на «Девушку в синем тюрбане», Сойер замер перед ней на четыре часа и открыл синхронную физику, как Ян Дельфтский – новое небо, удар.

«Бездна» во всех вариантах начиналась одинаково, ни один постановщик не решился отойти от изначального замысла, удар. Зал дрогнул. Веслов ощутил толчок, почувствовал, как отрывается от камня, успел всунуть ноги поглубже в предусмотрительные скобы, подумал, что пренебрегать ремнем, возможно, не стоило.

Девушка из АЛТ, сидящая снизу и чуть вправо с испуганным вздохом приподнялась над сиденьем, соседний парень успел поймать ее за плечо и прижать к камню, девушка и парень рассмеялись.

«Бездна» открылась.

И это было хорошо.

«Бездна», узнаваемая сценография Мартина, минималистические декорации, фанатичный Орлов, потерянный Энслин, Веслов видел сотню постановок, однако Амфитеатр Лунной базы смог.

«Бездну» давали при естественной лунной гравитации.

AG-генераторы отключены, что придавало постановке…

Пожалуй, гравитация даже меньше лунной, девушка АЛТ едва не взлетела.

«Протяженность».

На теплом лунном базальте. Мысли, оттенки, впечатления, Веслов достал блокнот и едва его не упустил, похоже, реостаты генераторов переложили на реверс-режим, тяготение было гораздо слабее фактического. Веслов записал в блокнот «протяженность» и тут же добавил «гулкую», задумался, вычеркивать не стал, движения актеров в зоне низкой гравитации были неестественны, одинаковы, начинались словно сильно заранее, продолжались дольше положенного, повторялись, как эхо. Это придавало постановке странное качество, отмеченное Весловым с первых минут…

«Смысловая неоднородность».

Герои отставали от реплик, актеры – от персонажей, течение спектакля то растягивалось, то сжималось, начинало ходить по кругу, Веслов опаздывал, привычные сцены менялись, «дискретность, как агапэ».

Постепенно количество искажений, отставаний, разрывов складывалось в качество, «вязкость», записал Веслов.

Герои замедлялись, отвечали на реплики с запозданием, общались с пустотой, смеялись в пустоту, натыкались на колонны, запутывались в невидимых сетях, смотрели вверх. Короткое время Веслов не мог понять – это было просчетом неопытного постановщика, попытавшегося связать «Бездну» с пониженной гравитацией, или что-то случилось с самой «Бездной», уставшей бесчисленными постановками, но постепенно Веслов начал догадываться.

Герои говорили, но что-то происходило с речью, она качалась от бормотанья к неразличимому шепоту, движения губ убегали от звука, звуки слипались друг с другом, и вот звук исчез вовсе. Герои говорили тишиной и в тишину.

И вот.

Постановки, которые он посещал прежде, и новая «Бездна» лунного Амфитеатра сплавились в его голове, Веслов увидел. Режиссер говорил со зрителем не напрямую, а отталкиваясь от предыдущих, причем от нескольких сразу, они сливались в симфонию, мерцали, «недостаточность эмпатии реципиента», записал Веслов, подумав, исправил на «опережающая вязкость действия», «зыбучая безысходность провала».

Это была, определенно, лучшая «Бездна», Веслов подумал, что эта постановка могла потягаться с постановкой самого Мартина, самой первой, катастрофической и прекрасной, однако перед началом второго акта в зал вошла – Веслов мгновенно узнал квадратный затылок, синюю юбку с обилием ленточек, вязаную оранжевую торбу на боку – Люта, и громкий голос.

Люта, загадай желание.

Веслов уронил карандаш.

Не плачь, Игебод.

Веслову показалось, что карандаш громыхнул, но Люта не обернулась, Веслов достал сменный, Люта, конечно, услышала. Веслов не сомневался, что звук падения карандаша услышан. Впрочем, скорее всего, Люта наметила его заранее, задолго до спектакля, может, еще до шаттла, на Земле.

Второй акт.

Станция «Дельфт» готовилась к великому броску. Над сценой переливался прозрачный до невидимости пузырь, поблескивавший на свете бордовым; в конце первого акта пузырь собрался из теней, из тяжелого воздуха, все же лунное гало, пузырь повис над миром и не растаял, жил, крадучись, опускался на плечи актеров, садился на сцену, протягивался поперек, разделяя, распадался на искры, жгучие, тающие.

Постановка, находки, мысль, образы Орлова и Энслина, ожидание последней сцены, прекрасной, великой, «гуттаперчивая искренность», записал Веслов и тут же обвел пульсирующей, как электрический разряд, каймой, рассудив, что гуттаперчивая искренность, пожалуй, слишком, лучше «дискретная моторика формы».

Что тоже плохо.

Веслов и грусть, Веслов понял – сегодня с ним неудача, спектакль оказался хорош, а все, что приходило со стороны Веслова, было плохо, хуже чем плохо: средне, не годилось, не соответствовало, не держало масштаб, нелепый хаул.

Люта разговаривала с лохматым юношей.

Веслов захотел незаметно удалиться, хотя очень любил финал «Бездны», бежал бы, если бы не сомневался в бесполезности этого шага. Веслов был уверен, что Люта действительно давно заметила его присутствие, и, стоит сделать движение к выходу, Люта непременно обернется с ехидной улыбкой, и…

Веслов не любил Люту. Еще в школе ему казалось, что Люту обжалили пчелы, лицо у Люты было припухшее, а глаза следили из щелочек, и не поймешь.

«Органическая невозможность волшебства», волшебство расслоилось, в пену.

«Эстетическая катаракта», волшебство испарилось, плоть его, лишенная жизни и влаги, истлела, «сердечная недостаточность», «эмпатическое обезвоживание», «эстетические протрузии».

«Протрузии», хихикнув, вычеркнул, «ортогональное бессилие» вычеркнул, фиаско.

Настрой сбился, мультипликация окончательно прервалась, сознание, искаженное присутствием Люты, продуцировало калек и уродцев.

«Спонтанный делирий». Скверное, Веслов упустил настроение. Плохо.

Остаток спектакля был испорчен, Веслов смотрел в затылок Люты. Каким-то непостижимым образом этот затылок соответствовал происходящему на сцене, «ложноположительный инсайт», и это было безобразнее всего, катастрофа.

Коммандер Орлов писал письмо, последняя сцена. Орлов всегда пишет письмо, никто не знает кому: сыну, оставшемуся на Земле, товарищам, синхронным физикам, Мировому Совету, землянам. Тихо. Снег, над сценой и залом начинают медленно падать звезды, таять в снег.

Веслов оторвался от затылка Люты.

Такого не было, Веслов не помнил, но был уверен, такое впервые.

Зрители не удержались, стали ловить, и Веслов не удержался. Снежинка – холодная, пять лучей, настоящая, через секунду растаяла.

Зрители захлопали, Веслов быстро оттолкнулся от камня и, делая вид, что погружен в раздумья и подступивший катарсис, стал подниматься к выходу, скоро миновал базальтовое ущелье, пересек фойе, буфет.

– Тугоухая надежда!

Веслов с детства не любил Люту. Во-первых, она обладала крайне неприятным свойством – умением прибывать первой, чего уж, и пребывать. Люта всегда опережала. Ее хаулы выходили раньше. Она безошибочно улавливала едва намечающиеся тенденции. Сегодня, без сомнений, в Амфитеатре писались новые страницы театрального бытия, и Люта, почувствовав это, поднялась с Земли. И снова окажется первой, поскольку Веслову для впечатления понадобится несколько часов, а Люта уже, ее вызывающе квадратный затылок, как казалось Веслову, весь второй акт слегка подрагивал, словно пьезоголовка древней печатной машины.

Во-вторых, Люта, как всякий, пусть и плохой, хаулер, обладала цепким зрением, подмечала огрехи, преимущественно огрехи, отчего, в отличие от Веслова и прочих, слыла принципиальным мастером. В земные театры ее приглашали чаще и охотнее прочих, в магазине «Глобус» Люта вела еженедельную колонку «Отзыв», четырежды признавалась магистром года, а некоторые, особенно молодые, постановщики обращались к ней за советом.

В-третьих, Веслов подозревал, что именно Люта пустила слух про него и «Шиншиллу», то есть не сомневался, и «тахионного Кассандра» прилепила тоже она.

Не говоря уж про Игебода.

В-четвертых, Веслов ее боялся. Люта всегда была выше на полголовы, с юности занималась системным грепплингом, судя по собранности, поддерживала себя в значительной форме, по рассказам некоторых, при отсутствии свидетелей не прочь была применить отработанные навыки.

Не исключено, подкарауливала его именно с этими целями.

– Тугоухая надежда.

Люта возникла и зашагала рядом.

– Здравствуй, Лютеция, – тяжело сказал Веслов. – Не знал, что ты тоже здесь.

– А я здесь, Игебод. И как это ни странно, но я рада тебя видеть.

Люта улыбнулась.

– Я тоже.

Веслов попытался улыбнуться. Улыбка у Люты неожиданно красивая, зубы оптимального размера, и она, похоже, действительно рада.

Люта шагала, а ее юбка причудливо колыхалась, не поспевая за шагом хозяйки, Люта словно тянула за собой небольшой ультрамариновый парус, казалось, что она продавливается через неподатливый воздух театрального фойе, Веслов не сомневался, что это не случайно, эффект продуман. Люта не только принимала впечатления, но и сама их производила.

– Ты веришь в гнилушки, – утверждающе сказала Люта.

Люта приобняла Веслова за талию и взяла пытливыми пальцами под ребро, хохотнула. Системный грепплинг, убедился Веслов, линейная суггестия, флэтт, кто же выдержит?

– Ах ты, мой нежный Игебод, – продолжала Люта, впиваясь в ребра. – Торопился ведь? Соскучился?

– Я не…

И больно.

– Ты не успеешь, – заверила Люта. – Смирись, пойдем обедать лучше.

– Я как раз…

– Ты здесь как раз – личным усилием или по назначению? А может, ты вступил в АЛТ?

Веслов не ответил.

– Я так и знала – споткнувшись раз, летишь бескрайне! Пойдем, от гравитации всегда нешуточный аппетит.

Веслов не испытывал какого-либо дополнительного аппетита, но опасался, что если откажется, то Люта применит к нему одну из решительных боевых техник, да, никто не увидит, но он, Веслов, будет жить с этим дальше.

– Пойдем, – утверждающе сказала Люта.

Пальцы костяные, прекрасное знание нервных узлов, беспощадность, Веслов задохнулся, Люта отпустила ребра и, подхватив Веслова уже под локоть, повела к театральному буфету.

Стандартный купол лунной базы. В зените опять золотая точка, звездолет, готовится к вектору, или только что взошел, зенит Луны.

– Устало выглядишь, Игебод, – сказала Люта. – Ничего не получается?

– Напротив.

Столик в сторонке. Люта в хорошем настроении, чужда сомнений, они устроились за столиком, и, как Веслов и опасался, Люта ничего не заказала, буфет ее не побуждал, врала про аппетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.